

62753

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ
ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПРОБЕЛЕНО

ЦАРСКАЯ АРМИЯ

В ПЕРИОД

МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И ФЕВРАЛЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

V.N. Karazin Kharkiv National University

00138526

8

~~5/15~~

95
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Отв. редакция М. ВОЛЬФОВИЧ и Е. МЕДВЕДЕВА.

ПРОРОБЛЕНО

ЦАРСКАЯ АРМИЯ В ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ и ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ИМПЕ-
РИАЛИСТИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)

✓ 45
Вступительная статья М. ВОЛЬФОВИЧ.
Составили: А. МАКСИМОВ, Е. МЕДВЕДЕВ и Ш. ЮСУПОВ.
Под редакцией А. МАКСИМОВА.

ЦЕНТРАЛЬН. НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА Х. ДУ.
Інв. № 629455

Проведено
1937

ВСЕУКРАЇНСЬКА АСОЦІАЦІЯ
МАРКСО-ЛЕНІНСЬКИХ ІНСТИТУТІВ
БІБЛІОТЕКА
№ 119248

ТАТИЗДАТ

1932

КАЗАНЬ

59 64

1933

ОТ ЦЕНТРАРХИВА ТАССР.

Настоящим сборником Татцентрархив начинает регулярную публикацию архивных документов историко-революционного содержания (по истории Октября и гражданской войны, истории фабрик и заводов, истории национально-революционного движения). К 15-летию Великой Октябрьской революции готовится совместно с Татистпартом второй сборник, содержащий материалы по истории Октября и гражданской войны.

Солдатские письма, помещенные в I-й части сборника, ярко показывают, как изменялось и революционизировалось настроение серошинельной армии в период 1914—1917 гг. от бессознательного „ура-патриотизма“ до сознательного „долой буржуазную войну“. Боевой путь России от векового удушающего рабства к великой социалистической революции, процесс революционного перехода забитых, придавленных чудовищным угнетением крестьянских трудящихся масс от покорной пассивности к полному пониманию непримиримости классовых интересов и к борьбе под руководством большевистской партии с эксплуататорами—прекрасно отразился в письмах с фронта.

Эти ценные исторические материалы сохранились в архивном фонде Казанской окружной военно-цензурной комиссии.

Нравы царской цензуры хорошо известны. Из писем вытравлялось все, что в какой либо степени напоминало „беспорядок“, революцию. Солдатские письма проходили двойную цензуру. На фронте их просматривали в армейской комиссии и затем в военно-цензурных комиссиях округа по месту назначения корреспонденции. Как видно из неоднократных жалоб казанского цензора, армейская цензура была менее бдительной и пропускала иногда явно революционные письма. Зато в округе все „неблагонадежные“ письма задерживались и об авторах сообщалось в соответствующее жандармское управление или штабу полка, а просто недозволенные сведения вычеркивались или вырезались. Авторам приходилось быть чрезвычайно осторожными, но положение было так невыносимо, что несмотря на цензорский и начальнический контроль, несмотря на жестокое наказание за каждое „неблагонадежное“ слово, солдаты пи-

сали резко-протестующие письма. Процент недозволенных сведений доходил до 70 по округу. (Ежедневное количество поступающих в цензуру писем равнялось в среднем 136.633 единицы; из них на Казань падало 14285, на Уфу 2857 и т. д. Дело № 114 за 1917 г.). Наиболее опасные письма в подлинниках или в копиях прилагались к отчетам цензоров. Отсюда и взяты материалы для настоящего сборника.

Письма, включенные в сборник, приведены в большинстве не полностью. Опущены общие места, описания личных дел и поклоны. Стил ь сохранен. Во многих случаях оказалось невозможным установить адресата, автора и, особенно, даты письма и поэтому пришлось часть писем дать без этих оформлений. Отсутствие точных дат не препятствовало распределению солдатских писем по периодам времени и разделам, так как цензорские отчеты, к которым прилагались копии писем, давали указания на год и месяц написания „слепого“ письма.

Во второй части сборника публикуются материалы о волнениях в запасном конном полку Казанского военного округа, рисующие тот каторжный режим палочной армейской дисциплины, издевательств и порки, в котором готовились для фронта защитники веры, царя и отечества.

Все подлинники публикуемых материалов хранятся в I-м отделе Татцентрархива.

Документы выявлены, систематизированы и подготовлены к печати гг. А. Максимовым, Е. Медведевым и Ш. Юсуповым.

Сборник выходит в свет при ближайшем содействии Зав. Истпарт-отделом Татобкома ВКП(б) т. Гафурова С.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

(К 18-й годовщине империалистической войны).

Солдатские письма и их анализ царской цензурой; небольшая группа офицерских писем, иллюстрирующих непосредственные взаимоотношения между офицером армии царя и Керенского и революционным солдатом и красочный материал о действиях одного из наиболее разнузданных знаменитых сатрапов Николая II ген. Сандецкого, действовавшего как раз на территории Поволжья, публикуемые в этом сборнике, являются среди целого ряда других документов эпохи царской помещичье-буржуазной России, наглядным пособием к лучшему распознаванию ее облика рабоче-крестьянской молодежи нашей советской страны, не испытывавшей на себе всех ужасов проклятого прошлого.

Мы приурочиваем выпуск сборника к годовщине начала империалистической бойни, устроенной для трудящихся масс мира. Мы полагаем, что документация об одном из фронтов, именно, российском фронте этой империалистической войны, явится некоторым вкладом в ту историческую литературу, которая, изображая непосредственную действительность прошлого, помогает трудящимся сильнее ненавидеть это гнусное прошлое; отчетливее вглядываться в лицо всего того, что творится в настоящем за пределами советских границ; плотнее смыкаться вокруг строительства социализма в нашей стране; мощнее мобилизовать силы мирового пролетариата и трудящихся колоний на последний и решительный бой с капиталом.

Империалистическая война, как известно, явилась огромным толчком к развитию всеобщего кризиса капиталистической системы и его непосредственным выражением.

Россия оказалась узловым пунктом всех противоречий империализма. Она вступила в войну вследствие собственных завоевательных стремлений царизма. Одновременно со всей отчетливостью выявилась ее роль, как вассала—содержанки англо-французского империализма. Вступление в войну удовлетворяло и явным стремлениям царизма отвлечь внимание страны от назревшего уже перед войной рабоче-крестьянского революционного восстания, разрядив его за счет кровавого избиения трудящихся масс. Но вопреки всем этим расчетам господ старой России, именно, она явилась плацдармом первых шквалов мировой пролетарской революции, явилась первой страной великой победы пролетарского Октября.

Печатаемый нами сборник писем представляет собой частицу живой иллюстрации того, что характеризовано т. Сталиным в отно-

шении всей царской России в целом: „Царская Россия была очагом всякого рода гнета—и капиталистического, и колониального, и военного,—взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме¹⁾).

Уже в самом начале империалистической бойни наша партия большевиков вопреки всеобщему шовинистическому угару, дала руководящий и действенный лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. Характер начавшейся войны и роль России в ней были так характеризованы в манифесте РСДРП(б) от 1 ноября 1914 года: „Европейская война, которую в течение десятилетий готовили правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась... Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле, именно, эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России...

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы“²⁾).

Царская Россия, стремившаяся „при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь), а затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая“³⁾, на деле сама оказалась игрушкой в руках матерых империалистических хищников—Англии и Франции. Прекрасно вооруженные армии Франции и Англии отступали перед немцами, а сла-

¹⁾ Сталин. Вопросы ленинизма, ГИЗ, 1931 г. изд. 3-е, стр. 9.

²⁾ Манифест ЦК РСДРП.

³⁾ Ленин, том XIX, стр. 281.

бо вооруженная русская армия должна была вести наступательную войну на трех фронтах.

План союзников империалистов сводился, именно, к тому, чтобы за счет русского пушечного мяса истощить, а затем и победить Германию. Царская Россия со всей охотой шла на это, не только послушно посылая свою армию в наступление с широких позиций непосредственно русских участков фронта, но и переотправляя большие массы солдат во Францию, где их постигала та же участь, что и колониальных рабов самого французского империализма, бросавшихся им в первую очередь в самое пекло войны. Все политические партии помещичье-буржуазной России, вплоть до социал-предателей эсеров и меньшевиков, санкционировали эти преступные действия кровавого царизма.

Однако, несмотря на то, что „громадный чудовищный аппарат лжи и хитросплетений был пущен в ход в России, чтобы заразить массы шовинизмом, чтобы вызвать представление будто царское правительство ведет „справедливую“ войну, бескорыстно защищает „братьев славян“¹⁾, не удалось обмануть пролетариат, оставшийся „единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма“²⁾).

Такое отрицательное отношение к империалистической войне со стороны рабочего класса России и быстрый спад шовинизма в широких толщах крестьянских масс, не могли самым положительным образом не сказаться на настроении солдат царской армии, представлявших собой все тех же рабочих и крестьян, только одетых в серые шинели.

Вот почему уже через несколько коротких месяцев воинственного марша царизма мы начинаем встречаться с солдатским письмами, в которых не только нет ура-патриотизма—постоять грудью за святую Русь, за белого царя, за веру православную, за все, что отдавало плесенью векового угнетения, но находит уже малое отражение и более тонкая и хитрая патриотическая пропаганда „цивилизованной“ российской буржуазии и ее лакеев социал-предателей оборонцев.

Вся эта объединенная пропаганда не делала слаще трудящимся царскую Россию, не облегчала тех исключительных тягот грабительской войны, которые всей своей силой обрушивались на плечи рабочих и трудящихся крестьян.

¹⁾ Ленин, т. XVIII, стр. 207.

²⁾ Там же стр. 208.

переделано
Обострение классовой борьбы внутри страны находило свое непосредственное отражение в отношении офицеров к солдатам на фронте. Общая вражда помещичье-буржуазной России к революционно-настроенному пролетариату и его союзнику крестьянству здесь находила практику в особых методах патриотического воодушевления армии: бессмысленной муштре, издевательствах и презрении к серой скотинке, мордобитии и порке „защитников родины“. Эта разнузданная барская привычка истязания и глумления над народом была перенесена в ближайший фронтовой тыл и даже в окопы. И недаром большинство солдатских писем наполнено, в первую очередь, самым непосредственным протестом против, именно, этого бесчеловечия и варварства.

Война была хорошей школой классовой борьбы. Она с еще большей отчетливостью показала рабочим и крестьянам России всю гниль, весь смрад и разложение царизма. Если в первый период войны крестьяне-солдаты были еще далеки от полного осознания этого факта, то с 1915 года они начинают уже классово определяться, чему в очень сильной степени способствовала пропаганда большевистски настроенных рабочих, как взятых на фронт по мобилизации, так, особенно, посланных в окопы за революционную работу, за стачки, за выступления против войны. Солдат не только перестает верить официальным манифестам о скорой победе, но постепенно и неуклонно он приходит к сознанию о ненужности самой войны и бесполезности побед.

В этих вопросах фронт и трудовой тыл становятся все более едиными. Массами все более и более осознается исключительная правильность линии большевистской платформы партии Ленина.

„Революционный класс, писал Ленин, в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству“..

„Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами („поражением“) правительств, а с другой стороны,—невозможно на деле стремиться к такому превращению не содействуя тем самым поражению.

От „лозунга“ поражения потому и отрекшиваются шовинисты (с О.К. с фракцией Чхеидзе), что этот лозунг один только означает последовательный призыв к революционным действиям против своего правительства во время войны. А без таких действий миллионы

революционнейших фраз о войне против „войны и условий и т. д.“ не стоят ломаного гроша”¹⁾.

Ленин боролся против мелко-буржуазного лозунга Троцкого „ни побед ни поражений“. „Кто стоит за лозунг“ ни побед ни поражений—писал Ленин 26. VII 1915 г. в № 43 „Социал-демократа“—тот сознательный или бессознательный шовинист, тот в лучшем случае примирительный мелкий буржуа, но во всяком случае враг пролетарской политики, сторонник теперешних правительств, теперешних господствующих классов“.

Разоблачая предательскую оборонческую политику меньшевиков и эсеров, наша партия последовательно и упорно готовила трудящиеся массы к борьбе с царизмом и к превращению империалистической войны в гражданскую.

Царизм отлично чувствовал, что главный враг его—рабочий класс и его революционная партия. „С началом войны царское правительство арестовало и сослало тысячи и тысячи передовых рабочих, членов нашей нелегальной РСДРП. Это обстоятельство, наряду с введением военного положения в стране, закрытием наших газет и пр., задержало движение. Но нелегальная революционная работа нашей партии все таки продолжается“²⁾. Работа широко развернулась в 1915 году и „конец 1915 г. и начало 1916 г. ознаменовались массовыми арестами рабочих по всей России. Административные высылки, военные „отправки“ на передовые позиции почти прямо без всякой военной подготовки, сыпались на голову рабочих со всех сторон“³⁾.

Охранка работала во всю, но несмотря на все растущие репрессии, массовые аресты и провалы работников, наши нелегальные организации развивались и крепили. Никакие репрессии не могли сломить большевиков. Революционная работа в войсках росла, антивоенная пропаганда увеличивалась. Большевистские воззвания к солдатам, к матросам, к рабочим распространялись в десятках тысяч экземпляров и встречали горячий отклик в эксплуатируемых массах. Тысячи большевистских агитаторов находились в армии, во флоте, на фабриках и заводах. Революция готовилась, революция назревала.

Буржуазия продажными голосами земских собраний и Думы требовала обновления и укрепления власти, способной довести войну до победного конца и усмирить надвигающуюся революцию. Но пролетариат под руководством большевистской партии мобилизовал

¹⁾ Ленин, т. XVIII, с. 169—170.

²⁾ Ленин, т. XVIII, с. 209.

³⁾ „Социал-демократ“ № 53.

всю свою победоносную революционную волю и энергию на борьбу с царизмом, на борьбу со всякой помещичье-буржуазной властью.

Февраль семнадцатого года не был концом революции (этого хотела буржуазия вместе с меньшевиками и эсерами), а лишь ступенью, гребнем, с которого буржуазно-демократическая революция стала перерастать в социалистическую.

Анализируя этот момент т. Сталин писал: „кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, ибо кто свержал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую“¹⁾..

Февральский переворот 1917 года развязал связанные самодержавием революционные силы. Кривая революционной борьбы неудержимо пошла вверх. Империалистическая война все более и более начинала превращаться в войну гражданскую и в письмах солдат этого периода все чаще и чаще начинает проскальзывать сознание того, что борьба за мир находится в тесной зависимости от революционной победы над внутренним врагом. Но подымающаяся революция одновременно спланивала силы контрреволюции. Первый же акт революции враги рабочих хотели сделать последним и всеми средствами—вплоть до пулеметов—старались повернуть революционный поток обратно.

Родзянко, Милюков и К⁰ намыливали уже удавную петлю на шею революции. Наряду со своими господами их лакеи социал-предатели открыли бешеный огонь против героической партии пролетариата и против ее вождя т. Ленина.

Вся буржуазная пресса не называла большевиков иначе, как немецкими шпионами. Так газета „Новое время“ от 6 июня 1917 г. писала: „В дни свободы протянулась откуда-то эта черная рука и двигает марионетками российской демократии? Ленин!.. Но имя ему легион. На каждом перекрестке выскакивает Ленин. И очевидно становится, что здесь сила не в самом Ленине, а в восприимчивости почвы к семенам анархии и безумия“.

И т. Ленин, отвечая этой черносотенной газете, дал по существу всей буржуазии и всем социал-предателям следующий ответ: „Анар-

¹⁾ Сталин, „Вопросы ленинизма“, изд. 3-е, 1931 г., с. 10.

хическим мы называем получение капиталистами скандальных прибылей на поставках. Безумным мы называем ведение войны из-за дележа аннексий, из-за дележа прибылей капиталистов. И если „на каждом перекрестке“ именно эти взгляды находят сочувствие, то причина тому—правильное выражение этими взглядами интересов пролетариата, интересов трудящихся и эксплуатируемых“¹⁾.

Англо-французские капиталисты принимали все зависящие от них меры, чтобы поддержать и укрепить воинственную линию нашей отечественной буржуазии.

На смену Родзянко-Милюкову, для вящего обмана масс, выступает главой правительства эсер Керенский.

Социал-шовинистам, сторонникам войны до „победного конца“ удастся не только устроить кровавую бойню питерскому пролетариату в июльские дни 1917 года, но и „демократическим“ обманом погнать солдат в наступление в первые месяцы после Февраля.

Упоенный торжеством революции солдат-крестьянин боится обострения классовой розни, так как опасается возврата старого режима. Он еще живет в плену „классового сотрудничества“. Он воспринимает еще социал-шовинистическую мысль об истинно революционно-народной войне, заключающейся в разгроме новой Россией, Россией без царя Германии кайзера. „Самым крупным, самым ярким проявлением мелко-буржуазной волны, писал в эти дни Ленин, захлестнувшей „почти все“, надо признать революционное оборончество“.

Однако, классовая борьба обострялась с каждым днем. Возрастала революционная воля и энергия пролетариата, все более и более спадал вновь навешанный после Февраля шовинистический дурман с крестьянства. „Период керенщины был, таким образом, величайшим предметным уроком для трудовых масс крестьянства, ибо он наглядно показал, что при власти эсеров и меньшевиков не вырваться стране из войны, не видать крестьянам ни земли, ни воли, что меньшевики и эсеры отличаются от кадетов лишь сладкими речами, фальшивыми обещаниями, на деле же проводят ту же империалистическую, кадетскую политику, что единственной властью, способной вывести страну на дорогу, может быть лишь власть советов. Дальнейшее затягивание войны лишь подтверждало правильность этого урока, подхлестывало революцию и подгоняло миллионные массы крестьян и солдат на путь прямого сплочения

¹⁾ „Правда“ № 75, 20 (7) июня 1917 г.. т. XX стр. 507.

вокруг пролетарской революции“¹⁾. Возрастала и укреплялась мощь большевистской партии, быстро росло ее влияние на массы. Успех большевистской работы был несомненный, „не очень быстрый, но верный и прочный“ (Ленин).

Волна революционного оборончества спадала, иллюзии первых дней „свободы“ быстро изживались. Солдатская масса на фронте, рабочие и крестьяне в тылу большевизировались. На фронте происходило братание. Капиталисты „с бешеной злобой накидываются на него... грозят—через своих генералов и офицеров—карами за братанье“²⁾. Буржуазия чувствовала, что именно „братанье есть революционная инициатива масс, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов, есть, другими словами, одно из звеньев в цепи шагов к социалистической, пролетарской революции“³⁾. Братанье выражало классовую солидарность вчерашних врагов. „Мы добиваемся, чтобы братанье не ограничивалось разговорами о мире вообще, а переходило к обсуждению ясной политической программы, к обсуждению вопроса, как кончить войну, как свергнуть ига капиталистов, начавших войну и затягивающих ее ныне“.

„В нашем воззвании к солдатам всех воюющих стран мы и изложили нашу программу рабочей революции во всех странах: переход всей государственной власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Товарищи солдаты! Обсуждайте эту программу в своей среде и вместе с немецкими солдатами! Такое обсуждение поможет вам найти верный, наиболее организованный, наиболее близкий путь к прекращению войны и к свержению ига капитала“⁴⁾.

Вот как просто и ясно ставили вопрос большевики.

„Могли ли русские коммунисты, пишет т. Сталин, при таком положении вещей ограничиться в своей работе узко-национальными рамками русской революции? Конечно, нет! Наоборот, вся обстановка, как внутренняя (глубокий революционный кризис), так и внешняя (война), толкала их к тому, чтобы выйти в своей работе за эти рамки, перенести борьбу на международную арену, вскрыть язвы империализма, доказать неизбежность краха капитализма, разбить социал-шовинизм и социал-пацифизм, наконец свергнуть в своей стране капитализм и выковать для пролетариата новое ору-

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 3-е, 1931 г., стр. 51.

²⁾ Ленин, том XX, стр. 311.

³⁾ Ленин, там же.

⁴⁾ Ленин, там же стр. 312.

жие борьбы, теорию и тактику пролетарской революции, для того, чтобы облегчить пролетариям всех стран дело свержения капитализма" ¹⁾).

Большевики стали „заразой“, „изменниками“, „шпионами“. Большевикам во имя „твердости власти“ новой волной „демократических“ репрессий зажимают рот; принимаются все меры к изоляции Ленина и большевиков от масс. Злобствующая пресса капиталистов клеветала на большевиков, называя их анархистами, носителями смуты и беспорядков.

... „Не на беспорядки и бунты, на сознательную революционную борьбу зовут большевики пролетариат, беднейших крестьян и всех трудящихся и эксплуатируемых“ ²⁾).

Под руководством партии пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством уверенно и твердо пришел к своей диктатуре. Понадобилось 8 месяцев для того, чтобы пролетариат стал у власти, чтобы достигнуть победы социалистического Октября и понадобились многие годы гражданской войны, чтобы в тесном союзе с мировым пролетариатом, закрепить это величайшее достижение мировой пролетарской революции.

Октябрь разбил и уничтожил старую царскую армию, армию бессмысленной муштры, дикого произвола начальства, бесчеловечного глумления офицеров над „слепой покорной серой скотинкой“.

О многом говорит красочная параллель уничтоженного старого эксплуататорского мира и мира социалистического.

Темная мрачная эпоха царизма, эпоха полицейского сапога и казачьей нагайки, гнилых казематов и каторги для революционеров, эпоха удушения всего живого и активного, что было в рабоче-крестьянских массах—ушла в невозвратное прошлое.

Вслед за царизмом в невозвратное прошлое отправил пролетариат в открытом бою многолетней гражданской войны и всю капиталистическую систему на $\frac{1}{6}$ части земного шара, ту самую систему, гнет и произвол которой до сих пор за пределами Советской земли переносит еще на своих плечах мировой пролетариат и все трудящиеся.

Письма солдат царской армии о многом напоминают из истории той самой системы бесчеловечия и варварства, весь ужас которой сегодня за пределами советской страны воспроизводят в еще более

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, ГИЗ, 1921 г., изд. 3-е, стр. 10—11.

²⁾ „Правда“, № 72, 16 (3) июня 1917 г.—т. XX стр. 471.

изошренном виде разлагающиеся хозяева умирающего строя империализма в их борьбе против пролетариата, беднейшего крестьянства и трудящихся масс колоний, мобилизующих свои силы на революционный выход (за диктатуру пролетариата) из трясины всеобщего кризиса капиталистической системы и против нового пожара мировой империалистической бойни, против подготовки империалистами нападения на авангард мировой революции—СССР.

Октябрь создал свою рабоче-крестьянскую Красную армию—монолитный, единый, пролетарски дисциплинированный боевой коллектив.

„Новый общественный класс, поднимаясь к господству, не мог никогда и не может теперь достигнуть этого господства и укрепить его иначе, как совершенно разложив старую армию („дезорганизация“,—вопят по этому поводу реакционные или просто трусливые мещане); иначе, как пройдя через труднейший, мучительнейший период без всякой армии (через этот мучительный период прошла и великая французская революция); иначе, как постепенно вырабатывая, в тяжелой гражданской войне, новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса“¹⁾.

Героическая Красная армия, проникнутая классовым пролетарским сознанием, воспитывающаяся в подлинно революционной дисциплине, окруженная энтузиазмом героической стройки социализма, зорко смотрит на восток и на запад, туда, где еще царствует власть воинствующих капиталистов, вновь вооружающих в качестве своего авангарда в нападении на СССР продажные белогвардейские банды. Красная армия, спокойно и уверенно стоящая на страже великой социалистической стройки, на страже мирового отечества пролетариата, олицетворяет в себе могущество и волю мирового пролетариата, мобилизующего свои силы на последний и решительный бой с капиталом.

Мировые хищники не однажды уже пытались втянуть СССР в новую кровавую бойню. Но „нам удалось отстоять мир, не дав врагам вовлечь себя в конфликты, несмотря на ряд провокационных актов и авантюристические наскоки поджигателей войны. Эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому“. (Сталин).

М. Вольфович.

¹⁾ Ленин, том XV, ст. изд., стр. 495.

ЧАСТЬ 1-Я

**ПИСЬМА СОЛДАТ С ФРОНТА
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ**

ПЕРВЫЕ ТРИ МЕСЯЦА ВОЙНЫ.

Солдатские письма первых месяцев империалистической войны квалифицировались цензурой, как „высоко патриотические“ и пропускались по адресу. Поэтому подлинных писем этого периода в фонде Казанской военно-цензурной комиссии не сохранилось. Помещаемые письма (14) взяты из отчетов цензоров Казанского округа за 1914 год.

Из писем видно, что в начале войны шовинистический угар, напускавшийся правящими классами России, обволакивал армию. Любимый девиз великорусских националистов и реакционеров—православие, самодержавие, народность—был доведен в виде лозунга—за веру, царя и отечество—до серых солдатских шинелей и на короткое время захватил крестьянско-солдатскую массу. Никакого врожденного, стихийного монархизма и патриотизма русского крестьянина-солдата здесь, разумеется, не было. В патриотических письмах первого периода войны надо видеть, скорее, просто воинственный задор солдата, желавшего показать удаль „маминых сынков“ и разбить „сопливый нос черта немца“. Все остальное (батюшка царь, матушка русь) являлось наносной, внешней формой, было бессознательным повторением вековых, дедовских, прививаемых помещичье-буржуазными верхами, традиций. Несознательной также была вражда солдат русской армии к Германии, злоба „на проклятого немца“. Письма, наполненные животной ненавистью, вроде например письма прапорщика Сац (№ 12), исходили только от представителей „цивилизованной“ России. Солдатский патриотизм был совсем, совсем иным. Впрочем, солдатских патриотических писем даже в этот период было немного. Процент всех патриотических писем с фронта (офицерских и солдатских) колебался от 11 до 63 по различным цензурским пунктам. Большинство солдатской массы восприняло войну как огромное несчастье, как неизбежное бедствие для крестьянства, для всего „рабочего люда“. Такое восприятие начавшейся войны выражалось в том, что свыше 50% писем с „театра“ войны не содержали вовсе упоминаний о войне, а были заполнены заботами о доме, о хозяйстве, о семье.

Открытого возмущения войной в шовинистической атмосфере первых месяцев войны солдат-крестьянин, далекий еще от понимания своих классовых интересов, выразить не мог.

Но уже первые орудийные выстрелы пробудили в нем стремление глубже вникнуть в вопросы общественной жизни. После первых же поражений русской армии, солдат-крестьянин крепко задумался над горькой участью, что „уготована ему начальством и царем Николаем“.

„Своего“ пути избавления от этой участи, пути освобождения от эксплуатации кулака, помещика, капиталиста у крестьянина не было. Был общий путь революции под руководством пролетариата и его партии. Процесс революционизирования армии начался с конца 1914 года.

№ 1.

✓ **ПАВЛУ СЕРГЕЕВИЧУ ПАВЛОВУ**

Г. Уральск.

Знаешь Паня здесь, на позиции очень весело. Особенно когда откроется канонада орудий и треск ружей и разговор пулеметов, то тогда и гляди, что все черти запляшут под этот акорд и земля задрожит точно лихорадка трепит.

Может все это переносить только русский солдат которому сам сатана и то не страшен. Русские герои ни перед чем не остановятся и сумеют завоевать славу нашему Царю Батюшке и дорогой родине Матушке. Мы сумеем победить этого проклятого немчуру так что будет помнить целый век. Теперь ослабили все его струны и скоро не слышно будет акордов его звуков. Разобьем его что называется в дребезги, пусть больше не существует эта проклятая немчура

10 сентября 1914 г.

Григорий Вострышев.
14 рота 3-го пехотного полка.

№ 2.

ВАССЕ ПАРХУТ

Д. Старая Лебенайка.

✓ Мы защищаем Царя и Отечество и стремимся во чтобы то ни стало покончить с нашим злоумышленным врагом, который думал завладеть нами, но мы ни в коем случае не думаем покориться ему, а покончить с ним навсегда чтобы он знал, что значит Русский штык четырехгранный.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУКОВА

БИБЛИОТЕКА Х.Д.У.

Инв. №

62755

Яков Пархут.

№ 3.

ИВАНУ ПШЕНИЧНОМУ

Г. Покровск.

Нужно обратиться к выполнению данной нам задачи боевой. Задача эта геометро-боевая, которая гласит: нужно во что бы то ни стало решить эту задачу, т. е. разбить сопливый нос черта немца, показать ему, что есть мамины сынки русские-воины.

Купянский.

9 Кавказский стрелковый полк.

№ 4.

ЛАРИОНУ МОТАВКИНУ

С. Рыбное.

Бьем мы немца как сукина сына и до тех пор будем его колотить пока в прах не разобьем, что бы он больше не дрался, а уж тогда вернемся домой.

Иван Мотавкин.

№ 5.

ПЕТРУ ИГНАТЬЕВУ

✓ Живу не тужу Царю белому служу верою правдою и готов умереть за веру, за царя и отечество и за единовверных братьев своих и сподоби Господи мне совершить подвиг сей святой. Жизнь моя в твоей власти да будет воля твоя Господи Аминь.

И. Игнатъев.

20 сентября.

№ 6.

Находясь в рядах действующей армии на защиту Царя и Св. Руси стремлюсь как каждый воин о скорейшей победе над свирепым врагом нашей родины и только тогда возвратимся когда победим, со славою будет наше возвращение к родным и нашей мирной жизни и чтобы слава могучих богатырей Св. Руси разнеслась бы по всему свету, а юноши находящиеся около матерей потерявшие своих отцов и дедов на веки бы гордились этой славой. Тем же воинам положившим свой живот вечная память.

Б. Коровин.

29 сентября 1914 г.

№ 7.

КАЗАЧКЕ — КЛАВДИИ АНИСИМОВНЕ АБОИМОВОЙ
Атаманский поселок.

Коли злой враг в нашей России и сквернит нашу матушку Россию, мы должны его стереть с лица своей родной земли и прийти

на свою родину со славою и честью, чтобы не стыдно было нашим героям—войти в свой край родной и будем биться до конца и готовы положить свои кости на поле битвы за свою родину и своих милых детушек.

А. Ф.

8 Уральский Казачий полк.

№ 8.

ЕВДОКИИ ЕФИМОВНЕ МАРКОВОЙ.

Грязь у нас здесь по пояс, но это вздор перед нашей задачей. Дать врагу каждый мне отпор и удар сохраняя свою веру горячую веру в свои силы и честь и победу грядущую, и свой славный штандарт невредимо донести и не погибнуть в этом бушующем море. Не погибнуть в этой кровавой борьбе. Послужить сколько в силах России. Ну а если и придется погибнуть в бою жаль конечно, но что же делать, воля Божья в этом. Но конечно жизнь свою продадим мы подороже.

Петр Марков.

3 октября 1914 г.

№ 9.

Д. Ф. ИВАНОВУ.

Село Федоровна.

Видно так угодно Господу Богу, чтобы я стал в ряды войск, призванных защищать Царя Батюшку и родную Русь Матушку, со врагом я сражаюсь храбро и тем сильнее моя вера в Господа Бога, что уж близок час расплаты со врагом, дерзко напавшим на нашу святую Русь.

Иванов А. Д.

20 октября 1914 г.

№ 10.

КОРНЕЮ ЗАВОРИНУ

Ново-Никольское.

Вы не тужите обо мне. Я надеюсь вернуться, но если и погибну то со славою сражаясь за Русь за дорогую отчизну. Это лучше, чем дома на печи. Я горю желанием сразиться с врагом.

Дм. Заворин.

22 октября 1914 г.

№ 11.

Еще что я вам пропишу я теперь стал пулеметчик. Буду стрелять из пулемета выпускать 400 пуль в минуту, всех Австрийцев побью. Тогда приду опять к вам на свиданье и снова заживем а си-

час помолитесь богу за меня, чтобы Господь дал силу и крепость и расторопность победить врага злого и непокорного и выгнать его из нашей земли. Да оно так и будет мы ему зададим немцу колбасе проклятому. Сичас он уже отступает и мы заняли несколько ихних окопов

25 октября.

Ваш сын Коля.

№ 12.

ТАРАСУ САЦ

С. Павловка.

Мы сидим в окопах и щелкаем зубами от злости на проклятых немцев. Как Бог дозволит мне померяться с ними силой, то думаю потешиться и отомстить за все и за всех, пощады не дам. Без рук и без ног буду, зубами буду грызть и жду той минуты с нетерпением, чтобы отомстить им за все зло.

Андрей Сац.

прапорщик 53 Стрелкового полка.

№ 13.

АЛЕКСЕЮ ЕРТУЛОВУ

С. Улыбевка.

Сколько бы эта война не продлилась и сколько бы ни стоила нам жертв, а все равно, без победы над врагом не будет заключен мир. Поэтому и решили отомстить врагу, чтобы было ему на память, до чего могущественна и сильна матушка Русь.

А. Суханов.

2 ноября 1914 г.

№ 14.

Пишу письмо под грохот орудий и разрывов снарядов, которые рвутся в непосредственной близости от нашего помещения, но они на нас уже действуют мало, нервы наши в настоящее время крепче немецкого снаряда и они больше не в состоянии уже поколебать дух русского солдата.

Милая я соскучился по тебе радость моя но долг моей службы и честь милой родины заставляют пока на время все забывать. Но скоро слошим коварного супостата и кто останется из нас живым, тот опять войдет в жизнь семейную, а кто погибнет, тому царство небесное помолитесь и вы по павшим геройскою гибелью за нашу милую Россию. Будем мужественны и верны в победе над врагом.

Павел Бушков.

15 ноября 1914 года.

НЕУДАЧИ НА ФРОНТЕ.

ЗАТЯЖКА ВОЙНЫ.

РОСТ В СОЛДАТСКИХ МАССАХ ОЗЛОБЛЕНИЯ ПРОТИВ ВОЙНЫ.

(К разделам II-му, III-му и IV-му).

Воинственный пыл русской армии был охлажден уже к концу 1914 года. Оказалось, что разбить „сопливый нос черта немца“ не так то просто, что военно-технической мощи Германии не страшен „русский штык четырехгранный“.

Война затягивалась и вместе с ней затягивалось на шее солдата мучительное ярмо военной службы „за веру, царя и отечество“.

Неудачная зимняя кампания, все увеличивающийся перебой в снабжении армии, приводивший к прямой голодовке, бессмысленная муштра, палочная дисциплина, сделавшиеся особенно невыносимыми в боевой обстановке, самое оголтелое издевательство над защитником родины, мордобитие, порка и т. д. и т. п. без следа уничтожили патриотизм русского солдата. „Сначала был аппетит защищать родину, но теперь хоть черт бы ее взял с ее защитой“ (письмо № 3). Бессмысленная муштра и издевательство доводят солдат—с одной стороны до массового самоубийства, с другой до дезертирства и до отказа от выполнения приказаний. Об офицерах солдаты начинают говорить с ненавистью („Начальство у нас такое, всех бы их перестрелять“ п. 31—IV р.).

Один ротный командир свидетельствует в письме (дело № 17 за 1916 год стр. 318): „У меня убежало 56 человек и вот за это мне наверное влетит. Кроме того остальные 200 человек отказались итти и их пришлось силой заставлять. Двоих я убил, потом посадил многих, а что касается розог, то влетело всем“...

К 1916 году „армия расплзлась по всем швам и теперь ее собирают розгами. Розга—воодушевление армии“. (Из письма В. Костычеву на Царицынский пушечный завод).

Плохое было это воодушевление. Официальная Россия победными реляциями, через продажную печать безуспешно старалась поддер-

жать бодрость в тылу и на фронте. Солдаты отлично разбирались в лживых и вздорных патриотических газетных сообщениях.

„Газеты пишут про военное действие, ни одного слова не слушайте, потому что они врут,—разяснял родным рядовой Усанин—они свои карманы набивают. Мы все терпим, нас бьют только морды щелкают, а этапный и корпусный коменданты розгами порют“... „Есть один отдел в газетах—читаем в другом письме от 17 декабря 1914 года (дело № 14)—который меня до глубины души возмущает, это „письма из действующей армии.“ Не верь ни одному слову, все написанное там наглая ложь. Тесное единение с начальством, забота о нас „серой, святой скотине“.

Красочные строки об этой заботе мы находим в III и IV разделах сборника, рисующих быт армии.

В письмах солдаты начинают крепко выражаться по адресу верхов России, по адресу „мародеров тыла“. Вначале 1915 года солдаты не шли дальше возмущения изменой русских генералов и немелостью офицеров, сравнивая военную технику Германии с русской („Русские воюют с богом, а немцы с дальнобойными орудиями“). Но постепенно они начинают осмысливать действительный характер войны. Солдаты не хотят быть простым пушечным мясом¹⁾, протестуют против своего бесправия, они не хотят проливать кровь за „неблагодарную родину“. Это уже ступень к осознанию классовых интересов.

Самоопределению крестьян-солдат много помогала пропаганда рабочих, в большом числе взятых на фронт по мобилизации 1915 года и посланных в окопы за революционные выступления. Ирония истории: Правительство вначале войны боялось брать рабочих в солдаты, но увеличивающееся техническое насыщение армии заставило. Рабочие были самым „неспокойным“ элементом в армии, революционным бродилом. В письме (июнь 1915 года, дело № 12) некоего обывателя в солдатской шинели (были и такие) И. И. Рять читаем: „Живу я довольно хорошо. Но моя обязанность учителя очень трудная. Много нужно иметь терпения и ума, чтобы со всеми ладить. Можете судить сами, так как сюда пригнали разного люда из Московской губернии, затем фабричных, которые являются прямо бунтовщиками или социалистами, или же демократами. Они не желают повиноваться офицерам, возражают им и никого не слуша-

¹⁾ Карриатура, изображающая Николая II, сующего солдат в мясорубку, которую вертит Вильгельм II, обошла все фронты.

ются. Они не боятся даже нашего генерала и, хотя он человек очень строгий, ровно ничего не выходит. Все места заключения переполнены ими, под ружьем стоят ежедневно от 20—30 человек. Но на военной службе повиновение необходимо, иначе рассуждать нельзя. Я это понимаю, и потому офицеры и высшее начальство меня любят. Я несколько раз пользовался уже отпуском. Я здесь много гуляю, но всякий раз с разрешения ротного командира или фельдфебеля“.

Все чаще и чаще, хотя и приглушенно, раздается: „долой войну“. Солдаты жаждут мира, они буквально стонут о мире („Мир или бы убило меня поскорей“, п. № 4), но как его добиться еще не знают. Постепенно начинают додумываться и до этого. Начинают поговаривать о самовольном окончании войны. „Которы говорят, что надо ружья побросать, которы говорят надо нацальство разбить“. (Письмо № 22).

1915 год.

№ 1.

НИНЕ ПРОСВЕТОВОЙ.

Казань.

Солдаты вообще очень правильно смотрят на войну, как на огромное несчастье не отдельных лиц, а целой страны, несчастье, как экономическое, так и моральное, а на немецких солдат, как на своих товарищей по несчастью; офицера же, на которых собственно не лежит тяжесть войны, говорят про войну с пафосом, с гордо поднятой головой, что мы мол должны позабыть о доме и семье и помнить только, что мы должны победить врага, (так говорил нам полуротный). Он и забыл, что и родина дорога нам только домом и близкими людьми, а не учебником истории Иловайского или Острогорского. Ну опять если в этом письме будет что зачеркнуто или вырезано, то я даже не знаю, что писать; придется последовать совету полковника: „Пишите:—жив, здоров, живем весело, стремлюсь всей душой быть честным сыном своей справедливой родины—это самое приятное письмо на родине“.

Фамилии нет.

30/пехотный полк.

№ 2.

ВАЛЕНТИНУ ИВАНОВИЧУ КОЛОЯРЦЕВУ.

г. Саратов.

Гонят нас уже пять месяцев и никакого результата. Бугульминский полк забастовал, не хочет воевать и много уходит в плен. У нас из роты 7 человек ушло.

Анатолий Колоярцев.

17 декабря 1914 г.

№ 3.

Отпишу Вам свое критическое положение. С 28-го января нас немец вытурил из своей земли, гнал нас 5 суток день и ночь, догнал до города Гродно да и здесь никакого нет покоя. До сего времени не раздевался из шинели и не снимал амуниции. 5 суток лежали в лесу на снегу при морозе 20°. Сначала был аппетит защищать родину, но теперь хоть чорт бы ее взял с ее защитой;

замучил нас проклятый немец, в боях нет счету; как есть Господь спас. Немец не такой, как Турок; у него на каждую роту по 2 пулемета и состав артиллерии по 12 пушек в батарее, а у нас только 6. Покуда отступали нами было потеряно 25 тысяч войска, были потеряны пулеметы и пушки.

Б. Куртасин.

10 февраля 1915 года.

№ 4.

ЯКОВУ ИВАНОВИЧУ КУЛАКОВУ.

Д. Зеленовка.

Мы все отступаем и отступаем, дела наши не завидные. В начальстве никакой правды нет, продают все на свете, снарядов не хватает, их вероятно, совсем нет. Из несчастной пехоты не успевают полки формировать, крепости все без боя отдали. Это не война, а только людей переводят. Везде все продали. Надоело до самой смерти. Скорее бы что нибудь: мир или бы убило меня поскорей. Все измучились, как черти, не знаем день и ночь; живем как в аду.

Вас. Кулаков.

№ 5.

ЕНАТЕРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ ТАРАСКИНОЙ.

Село Усть-Щербедино.

У нас в настоящее время адский орудийный бой. Мы наступаем на немца, но он не поддается. Много пропало нашей братии, убитых валят как дрова по 200 человек в яму... Вообразите себе ряды тяжелых артиллерийских орудий и у последних истомленные истекающие кровью пыльные лица солдат... Пушки дымят и гремят, люди суетятся, заряжают и палят любуются следом своего снаряда, а под ними и над ними шипят, свистят, чивкают и лопаются на сотни кусков и с ужасным треском производят убийство и поражения, у кого руки, у кого ноги, а кто весь плавает в крови; каждый воин стонет: „О боже, жизнь сохрани“. Проходят дни недели и месяцы, и скоро будет год, и все тоже и тоже. Конца нету этому делу, и к нам уже закрадывается в душу тоска. Нам она смертельно надоела эта оглушительная музыка, эти суровые лица вокруг нас, еженощная работа... Эти сцены и страдания сначала потрясали нас, а потом они чуть трогают нас, а наконец чувства наши притупляются до того, что мы делаемся совершенно деревом, никакого веселья, никакого участия не видим мы. Нами владеет одно отчаяние... Ах война, война, что ты делаешь из нас бедных солдат.

13 апреля 1915 г.

П. Г.

№ 6.

Много поклали нашего брата, да еще наверно покладут, только поспевают собирать да подвозить, но скоро придет конец и собирать будет некого, потому что очистили все села и города; на пушки мяса не наготовишь. Наши только надеются на силу но чорт силен. а воли нет, так и нашим сшибают рога, а у немцев такой убили наверно нет, потому что делает все умно; например взяли Либаву, наверно сотни человек не потеряли, потому что не было ни слуху ни духу и вдруг Либава занята немцамн... Как получили известие о взятии Либавы, солдаты начинают волноваться потому что нашего брата зря губят благодаря все господам офицерам, которые смотрят на дело как сквозь пальцев, а наш брат темный народ и ведут нас как с завязанными глазами и толкают в яму.

Петр Осипов.

3 мая 1915 года.

№ 7.

ПЕТРУ ЯКОВЛЕВИЧУ АРЧАКОВУ.

Сейчас начался большой бой, но толку совсем мало. Это от солдат зависит, но и от офицеров; не то что солдаты идут в плен, но даже и офицеры, потому что очень надоело, а укреплены очень. Какая сторона наступает, ни один не вернется, так что, как видит, что близко, бросает винтовку и руки вверх. А почему наши так начали сдаваться, потому что нас бьют дураков кругом: на позиции немцы, а в тылу, за все мало важные проступки наказывают телесным наказанием—бьют розгами. Тот, как розгами отлупят, то он смотришь, говорят ушел в плен; там расскажет, а немцу то того и надо. Но еще в особенности у нас артиллерия ничего не стоит. На наш каждый снаряд немец пускает сотню. Потому что у нас (слово нельзя разобрать) очень и плохо; солдаты одни молодые да ополченцы; мы как видим где артиллериста, то смеемся, что они не стреляют. Они говорят, что снарядов нет. Так что толков очень, очень мало. Если не будут наступать, то выиграют, но если будут наступать, то проиграют. А если выиграют то чего нам дадут за это. Один костыль, а то два костыля, а то совсем уйдешь в город могилев, прямо скать, в могилу. Если разобьем немца ничего нам не дадут, только скажут молодцы ребята, а у этих молодцев ни ноги ни руки нет. Наше все начальство прямо настоящие жулики, только нас хвалят, а мы будто дети не понимаем.

Штамп полевой почтовой конторы № 131.

8 мая 1915 года.

БОИ В ГАЛИЦИИ

После обстрела тяжелой артиллерии участка 145-го Новочеркасского полка.

Печатается с фотографии из коллекции участника мировой войны
т. Бессонова.

ПОСЛЕ ШТЫКОВОЙ АТАКИ

Печатается с фотографии из коллекции участника мировой войны
т. Бессонова.

АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ СОЛОВЬЕВУ.

Теперь идем в глубь России, да собственно не идем а бежим" Герман двигается за нами по пятам. Где остановимся не известно. Кажется до Москвы будем утекать или до Урала. Эта война хуже и японской. Ту пропили а эту продали. Есть слух будто германцы отпуская перевязанных раненых говорили „зачем вы сопротивляетесь отступайте без боя ведь еще в 1912 году весь польский край до Ковны продан нам сопротивление бесполезно“. Значит зря губят людей, показывая, что ведут войну. Весь гарнизон Бреста вооружили японским оружием, есть пушки тяжелые стоят уже на позиции, а стрелять не дают, патронов не подвозят. Отступая увозят без единого выстрела. Эх много есть похожего на измену прямо в глазах.

Твой брат Владимир.

121 Харьковская пешая дружина.

№ 9.

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ ПЕТРОВУ.

Саратов.

Наши солдаты герои. Но все остальное слабо. Мы поставлены в такое положение, что немцы нас расстреливают из своих дальнотбойных орудий, а мы принуждены молчать. Наши пушки не могут взять желательной дистанции, а их легкая артиллерия берет под прикрытием тяжелых пушек. О таких потерях, которые мы несем никто никогда не думал. Восточная Пруссия мне представляется сплошной крепостью и ввиду этого вряд ли мы что нибудь вообще сделаем с немцами. Разве только выгоним из своей территории, где мы только и можем с ними воевать. Наши солдаты лежат в окопах уже 1½ месяца. Не могут переменить белья. Сколько сходит с ума. С пустыми руками и герой-солдат далеко не уйдет, когда его на каждом шагу осыпают градом снарядов. Нас утешают, что скоро и мы не будем нуждаться в снарядах. Но это „скоро“ только остается словом, а нас продолжают гнать и бить. Справедливо говорят немцы: русские воюют с Богом, а мы с дальнотбойными орудиями.

Друг Сергей.

АРИНЕ ИВАНОВНЕ КУЗНЕЦОВОЙ.

Село Календраф.

Очень тяжело нашему русскому солдату воевать с германцем. Есть такие солдаты, которые пишут письма из действующей армии, что все идет хорошо но вы не верьте, они в тылу армии наживают деньги, а тут сидишь в окопах грязный как черт, уже не думаешь как победить врага, думаешь только одно скоро ли мир, да остаться живым.

Начальство наше не унывает, как неприятель в наступление пойдет то наши доблестные начальники из окопов убегут и благодаря лесу в нем убежище себе найдут, а тут солдаты охают, бегают друг дружку спрашивают—наверно наш ротный убит, а глядь он на утро из лесу валит и кричит—что мошенники плохо стреляли к себе в окопы немцев допустили, а солдаты с смущением отвечают: нам за вами не угнаться.

Трофим Коновалов.

15 рота 332 пех. Обоянского полка.

№ 12.

АНАСТАСИИ ЕЛИСТРАТОВОЙ ШАМОВОЙ.

С. Бол. Патневна.

Наша берет, а рыло в крови. Никак не одолеем его, много на нашей стороне продают начальство нас, никак не победим его, даже и не надеемся, чтобы наша взяла. Теперь всех забрали и все понапрасну, страдаем и кладем свою жизнь ни за что, только смеются над нами, что мы ходим как баранье большое стадо и хотят разбить врага, тогда и мир будет, так нам прислали приказ от самого Государя. Но что будет если нам прислали добавок в полк 700 человек и все без винтовок, сидят в окопах, ждут пока товарища убьют, тогда он берет винтовку и начинает стрелять. Вот какая война у нас теперь стала, из орудий даже нет ни одного выстрела всю зиму, а неприятель по нас лупит почем попало; 12-ти дюймовыми снарядами встречал наш праздник, так что всех жителей выгнал из деревни, хаты разбил на щепки и много жертв наделал.

3 мая 1915 года.

№ 12.

ФЕДОРУ КОЗМИЧУ СМОЛЕВУ.

Челябинск, Дешевая слободка.

Война положим очень плохая, больше все слышно измена в нашем начальстве. Не знаю что Господь даст нам из этой войны. Я так рассчитываю Федор Кузьмич одно нам разоренье, а больше ничего. Начальство старается только набить как можно ту же карман, а если придет туго от неприятеля то старается убежать бросив нас нижних чинов, лишь бы самим спастись. А потому бегут, что у них много денег и им не хочется умирать растаться с деньгами а нам вообще всем нижним чинам стоит умереть потому что мы жалованье получаем 75 коп. в месяц, значит нет расчета жить на свете. Начто наш прапорщик герой на язык, а на деле плох. Нам пришлось задержать неприятеля каких то два часа и он убежал из окопов сослался на то, что пойду за патронами, ево ли дело ходить за патронами, это явная трусость. Где то у вас господин Иванов пропишите, что он поделявает. Заслуженный им кавалер не за храбрость хватил, а воровал курец—гусей и угощал наше начальство, вот его и храбрость... Знайте про себя что я написал, как бы не стали спрашивать. Остаюсь уважающий Вас зять.

Штемпель: „Полевая почт. контора № 18“.

14 июня 1915 года.

№ 13.

ВАСИЛИЮ ДМИТРИЕВИЧУ.

До такой степени надоело воевать, что и сказать невозможно; не знаю, когда и конец будет или совсем не будет; не знаю, что будем делать. Командиры рот больше прапорщики, старые командиры все подались по командировкам, и воюют одни молодые, которые по военному действию, можно сказать ничего не знают.

2 Октября.

Василий Орлов

2-я рота Лейб-Гвардии 4-го Стрелкового
Императорской фамилии полка.

№ 14.

УСТИНЬЕ МАРКОВНЕ СОЛОМЕННИКОВОЙ.

Сарапуль.

Эх много ляжет в сырую землю наших друзей и братьев, хотя мы и служим и все время веселы, но на сердце лежит камень, который много влияет человеку в его жизни. В России много осталось

сирот и разорилась вся наша Россия и нужно поправиться не один год, а целых 50 лет, что бы стать на старое место. Сколько потеряла казна наша денег, это ужас. В Ревели совсем наших солдат замучили.

У нас учат священному писанию, священники благословляют на бой, а сами не идут. Забыли шестую заповедь Христа „Не убий“. Бедная Россия ни одной войны не пройдет, чтобы она не участвовала; а почему, потому что у нас в России народ не ученый, у нас одно мошенничество—более ничего хорошего не увидишь.

5 октября 1915 года.

Павел Соломенников
2-й батальон Осовецкой артиллерии.

№ 15.

АННЕ МИХАЙЛОВНЕ ЗАБЕЛИНОЙ.

Село Давыдовна.

Конца не предвидится этой пагубной войны, жизнь наша неценная, а все таки еще пожить бы охота, и время уже быть концу, ведь люди умирают с голоду, а виновница этому война, ходят босы, голы, все разбито, не только селы, но даже и города превращены в прах, всюду развалины, не осталось камня на камне и никто не сжалится над этими несчастными как будто их никто не видит, как будто их какая то сотня человек, а их миллионы таких страдальцев, проклинающих свою жизнь.

Петр Забелин.

№ 16.

НАДЕЖДЕ ПЕТРОВНЕ ДМИТРИЕВОЙ.

Казань.

Ведь сколько пролито слез и крови и сколько расстались с преждевременной жизнью и сколько калек, что если собрать все во едино и только от этого ну кажется обомрешь и не перенесешь. Да что же это творится и что делается и скоро ли будет конец уничтожения и казньства. Ой сколько сирот и сколько калек это уму не постижимо, а все берут и везут и ведут, как будто с завязанными глазами, и будто никто не видит и не слышит ничего и что творится не знай. Всем придется пострадать благодаря нашим вельмож и управителей русским народом. Черт с ней с этой войной уж очень она надоела.

Твой брат Ваня.

№ 17.

ПРАСКОВЬЕ ЗАХАРОВНЕ ЗГАБИНОЙ.

д. Бамаковская.

Я хотел приехать домой но очень далеко, проезд стоит 20-ть дней на машине, а нам дается 10 суток. Но што бы я на это не посмотрел бы, но патрули на станциях задержат, если бы было 500 в. расстояние и то бы приехал, но то не дожидай. Пока Царь нас не сделает уродами то не пустят человека домой. Когда он не может править Россией. Неверьте, что газеты пишут что наша берет, день ото дня наши отступают лишь смотри и Киев здадут и все увозят и у нас сейчас с такими болезнями гонят на позицию, что смотреть нанево сослезамы, потому что силы мало пополнять войска нечем, снарядов нет. Только одна пехота дерется. Деньги нам не выдают, все золото отправили. Мы знаем куда оно ушло. Вот какое у нас правительство, себе карман наживают.

Ефим Згабин.

№ 18.

АЛЕКСЕЮ ЕГОРОВИЧУ НОВИКОВУ.

Саратовской губ.

15 декабря был смотр, смотрел Государь Николай Александрович, поблагодарил нас, просил постараться, сказал в скором времени победим врага, но только надоело уже нам побеждать.

Сергей.

15 декабря 1915 года.

Лейб-Гвардии Измайловский полк.

№ 19.

ИВАНУ ЧУГУНОВУ.

Мир не заставит себя долго ждать. В настоящее время одни беженцы заставят заключить мир скорее чем мы предполагаем. Англия—вот виновница продолжительной войны. Она не может признать себя побежденной, ее города не разрушаются, она менее всех страдает, только расходует капитал, а про нас говорить нечего. В настоящее время на нас напирает немец... Приезжал Царь, сказал нам, что надо выбить неприятеля с своей земли, мы сказали постараемся, ну а себе мы думаем на уме, должно быть, мало отдали, надо отдать Москву, Петроград, тогда будет мир.

И. Морозов.

6-я рота 3-й взвод 335 пех. полк.

№ 20.

ПЕТРУ ИВАНОВУ МУЗУРОВУ.

Д. Першовка.

Наша Россия никогда не победит врага по случаю нашего контрольного производства немецких путеводителей театра войны. Посмотрите вот что будет весной, не то что согнать немца с своей Галиции, берегись Киев, так и знай придет в гости германец; он летом душит наших, это не Наполеон, а вы ничего не знаете, что творится на передних линиях.

Вам все пишут незначительные потери наших. Эх начальнички наши... Никогда наши не выиграют и думать нечего, теперь весь народ понял в чем дело. Воюем второй год и защищаем интересы отечества, и до сего времени нет ни одного манифеста для крестьян—защитников русской земли.

Знаете дорогой братья я думаю будет-ли когда конец этому убийству и спрашиваю себя—к чему это, Богу чтоли все это надо, но для чего он тогда дал заповедь—„не убий“.

Иван Музуров.

6-я батарея 82-й артбригады.

26 декабря 1915 года.

№ 21.

И. МИРОНОВУ.

Сарапуль.

В настоящее время мы живем в поле в землянках, как дураки. Рождество провели спокойно без боев, немцы приходили к нам поздравлять нас с праздником и говорят, бросайте, довольно воевать, зачем нам друг друга бить, ничего за это нам не дадут, они своим начальством тоже недовольны и говорят, что Ваше начальство продает за копейку трех солдат, а города мы у Вас не войной взяли, а купили за деньги. Пожалуйста газетам прошу не верить, они только подкрашивают, также не жертвуйте на армию, потому что Вы не на армию жертвуете, а генералам на коньяк. Солдатские посылки также превращаются все в деньги, на которые приобретают товар для солдатской лавочки, а солдат за последние свои гроши из этой лавочки покупает пачку папирос. Был у нас батальонный праздник и на этот праздник офицерам отпустили 15 тысяч рублей а солдаты в обозах ходят без рукавиц и многие обморозили руки. Так, вот как тиранят людей, за что сами не знают. Страшно было смотреть когда был бой под г. Любачевым, это не

война а кровавая похлебка, сколько погибло невинных людей, а о солдатах и говорить нечего, это мясо человеческих тел, которое назвали „немецкой колбасой“. Немцы теперь с аэропланов бросают записки и велют убираться до Москвы, а то говорят, что опять будет тоже, что было под Любачевым. Это не Вильгельм, а 2-й Наполеон. Наши когда забирали города, то не думали их укреплять и подвозить снаряды, а сначала устраивали театры. В этот театр конечно разрешалось входить только офицерам, да сестрам милосердия, а вы жертвуете на солдат, на солдат сотая копейки не упадет.

28 декабря 1915 г.

№ 22.

НИКОЛАЮ МАРТЫНОВИЧУ ПОНОМАРЕВУ.

Д. Воробьевская.

Теперь все солдатики возмущены, помощи нет начальство города, продает и лезут на какие нибудь сопки, теряют тысячи народу, теперь прошла речь по всему фронту что хотят побросать ружья или станут наше начальство пороцить тогда будет общий бунт по всему фронту но только скоро несобразятся. Которы говорят, что надо ружья побросать которы говорят надо нацальство разбить. Эти переговоры пошли еще только пятый день то изнайте ежели скоро небудет мира это и выйдет рас пошли переговоры по всему фронту какая это война 38 дней бес смены наш полк на позиции безо сна. Хотя и приходится поспать днем немного но не каждый день. Теперь и наша рота все затомившись скоро-ли ето концится топерь мы сидим в окопах 38 дней уже нам кажется что мы просидели 38 лет, топерь придется ешо бежать верст 60 тогда всю польшу сдадим немцю.

В. Пономарев.

14 рота 171 Кобринского полка.

№ 23.

ИВАНУ ИЛЬИЧУ ХОМЯКОВУ.

г. Алатырь.

Новости здешния до того надоели, так что не веришь живешь или нет, прошлое забыто, настоящее надоело, а в будущем как в тумане, скучно становится и как ни скоро бы кончилась но все не верится будто все было вечно, как будто никогда и не был нигде, а вот все на военной службе, да жалко лучшее время прошло здесь

среди чужих людей и неправды, не видно ни веселых лиц ни ласковых а все серьезные, хитрые и злые надоевшие друг другу и надежда на мир как на воскресение мертвых.

№ 24.

АЛЕКСАНДРУ ТИМОФЕЕВИЧУ НЕСТЕРОВЫХ.

Д. Медковедово.

Дорогой и многоуважаемый мой товарищ сообщаю я вам как вы человек вообще понятный повсему. Домой проэто нечево не посы-
лал, что у нас в России делается какие порядки, на счет войны
совсем очень плохия идут. Пожалуй надо сказать—воткнуть штыки
в землю всем и бросать воевать с нашим порядком в России и на-
шим хорошим Начальством. Война прошла уже больше году ничего
хорошего не видать только видно что у нас войска все прибиты.
Остались одни ратники. После Японской войны прошло 10 лет у
нас в России ничего не могли приготовить как в прочих к войне
на год. У нас в России нечего не хватало, оружия припасов и сна-
рядов да потому что у нас начальство нарочно так и подводили.
Они знали что России воевать придется а теперь водят нас за
уши. Везде у нас наше начальство делают измену да продажею
войска ложат сразу по несколько тысяч враз. Наш брат не счадит
своей жизни кровь проливают свою, а начальство наше тысячи и
миллиарды наживают себе в карманы. В газетах пишут что Россия
везде много всего берет городов и в плен германцев и австрийцев,
орудий и пулеметов забирает. Что было с начала войны как у нас
в России всего хватало оружия и снарядов наша везде тогда здо-
рово брала, а настоящее время стало наше начальство везде
делать измену да продажу, пропало у нас в России все дело—
Карпаты мы и Перемышль брали шли войной более полгода,
пошла у нас измена германец нас от тудова за 4 дня выгнал,
всех перебил и позабирал в плен. Так Россия наша станет
делать с нашим хорошим начальством и Москву у нас возмет
германец. Россия провоевала 11 губерний. Теперь правители
с нашими хорошим начальством все провоюют. Не верьте дорогой
товарищ что в газетах пишут что Россия много всего берет и все-
го в России много есть и это пишут все напрасно, наш народ ве-
селят. Россия так берет что у России рыло в крови бывает, ничего
у нас нет как в прочих державах. Благодаря тому немного еще что
Японец научил воевать и теперь Япония помогает оружием и сна-

рядами. Невидать в эту войну опять хорошего. Россия если тем останется счастлива что не отдаст Москву да Петроград.

Евтихий Зорин.

№ 25.

ПЕЛАГЕЕ СТЕПАНОВНЕ МАКАНИНОЙ.

Г. Пенза.

Гул войны нас сбудил, он пронесся над нами, как гром, после которого запахло в воздухе электричеством. А как этот гром силен: он поднял самые глухие кутки России, он на всех одел стальную броню, т. е. он вырвал семейства с корнем, он отнял лучшие жизни у наших братьев, но все лучшие материалы для войны дала больше никто, как деревня, или же город, но те силы города, которые ни на что не способны. Вот теперь только дали дорогу тем, которых презренное общество презирало,—пожалуйте, мол, в окопы; всегда вы были последними, но за то теперь вы первые на позиции, а мы спрячемся у вас за спиной и будем ждать, пока победите вы. Но легко ли сказать победить. Для того, чтобы победить, нужен дух, так сказать мощь, поддержку из тыла, а там кроме вздорных слухов ничего кажется нет. Ну, бросим об этом. Я думаю, что ты меня поймешь то, что я не досказал.

Твой Гриша Маканин.

№ 26.

ДАРЬЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ВАСИНОЙ.

Тамала.

Отвык мысли на бумаге излагать. Удивительного, конечно, ничего нет: нужно ведь прожить 6¹/₂ мес. среди этого ада. Ведь это сплошная грубость, сплошное издевательство над человеком. Вначале я думал, что иначе нельзя, что в силу необходимости все так делается, ну а как ближе познакомился, увидел, что дело тут совсем не в силе необходимости, а в чем то другом, гадком. В начале ведь помнишь какие лозунги были провозглашены войной: право, справедливость, борьба за цивилизацию и т. д. Все это несколько мирило с войной и со всем ужасом положения; ну а потом, когда всем стало ясно, что лозунги—плащ, прикрывающий скверную правду, шире открылись глаза, глубже стали вдумываться и увы, пришлось придти к грустному заключению, что люди сломя голову идут назад, пятятся в какую то пропасть. Как оглянешься вокруг себя, жутко становится, слава Богу, что подобные минуты просвет-

ления редки, а большей частью обыденщина давит. А какая вакханалия открылась по Руси-матушке. Там где то далеко, в грязи, в крови умирают, страдают, но сюда в глубокий тыл эти стоны не долетают, не мешают есть, спать и предаваться удовольствиям. Ну и развернулись силы новые во всю свою мощь богатырскую. Пьянство, разврат и какое то брзумное воровство направо и налево, ни с чем не считаясь. Миллионы, десятки миллионов народных денег расхватываются, вырываются куски из рта раненых солдат. Творится чтото невероятное. А женщины... Города—это какие то громадные публичные дома, и впечатление какое то сумбурное. Начинаешь чувствовать ненависть к женщине. Крест, красный крест, бывший прежде символом милосердия, любви к ближнему, самопожертвования, теперь ярко грубо кричит: продается с публичного торгога. О, с какой ненавистью смотрят на них раненые солдаты. Впрочем все это для тебя не ново, и я повторяю только то, что ты уже не один раз читала и слышала. Вот видя, чувствуя все это, приходится ехать на фронт. Конечно, кроме гадливого чувства к оставшимся ничего с собой не уносишь, и на душе тяжело, что пролитая кровь поведет нас к какой то светлой иной жизни. Не ехать бы хотелось, а скрыться куда нибудь подальше от людей.

Сашка.

30 декабря 1915 года.

№ 27.

ЕЛЕНЕ ИГНАТЬЕВНЕ ТАРАСОВОЙ-РОДИОНОВОЙ.

Казань.

К войне или собственно к приплетенной к ней идеи, как освободительной, отношусь отрицательно. Меня не захлестнула волна общественного под'ема и патриотического шума, подогретая правительственной агентурой. Не разделяю я и точку зрения так называемой ответственной оппозиции, растерявшейся перед стихийной грозой, струсившей и теперь подыскивающей оправдание своему позорному падению.

Твой Саша.
